

ОКОЛО 11 часов вечера — телефонный звонок.

— Алло, Виктор, поднимитесь к нам, мы только что с просмотра «Отелло». Вы видели? Поднимитесь. Обменяемся.

— Да я спать ложусь.

— Черт знает что! Вы не исправимы. Спать в 11 часов! Поднимитесь!

Отгоняю сон. Шлепаю на лестничную площадку. Нажимаю кнопку лифта и с третьего этажа плыву на седьмой... Блям, блям!..

— Ну слава богу, раскочались! Входите.

Вхожу в длинный, заставленный шкафами с книгами коридор. Слышу гул голосов.

— У вас гости? — пугаюсь я.

— Да никого, только свои.

— Ох, сколько раз меня ловили на удочку «никого, только свои». А эти «никого» и «свои» Ия Саввина, Владимир Высоцкий, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Алексей Арбузов, Галина Волчек, Игорь Кваша и прочие, и прочие, и прочие. Кого только не встречал я в этих гостеприимных комнатах!

— Вы только посмотрите на него, — вытаскивает он меня на середину комнаты, — в какой он мерзкой пижаме!

Но гости действительно благородны, и никто никогда не обращает внимания, кто в каком виде, так как всех всю жизнь интересует иное. Жаркие разговоры об искусстве, литературе. О жизни. Очень жаркие... Все говорят наперебой, и, кажется, никто никого не слушает. И вдруг затихают: поет Высоцкий. И снова гам!.. И вновь тишина — читает стихи Ахмадулина. Гости на диване, в креслах, за массивным круглым столом-сороконожкой, вокруг которого в очередной рейс делает «облет» хозяйка дома — жена Штейна, Людмила Яковлевна, и потчует шумящих то таящим во рту пирогом, то нежным салатом, то воздушным тортом собственного приготовления. Кстати, о женах принято говорить: это его половина. Как я замечал, в жизни писателя жена — это именно половина писателя...

Хитрый Штейн объединяет вокруг себя все больше молодых, отчего и сам он в свои семьдесят лет и энергичен, и подвижен, и жизнелюбив. Внуку своему он категорически запретил звать его дедушкой.

— Зови меня Шурик, а я тебя — Вовка. Понял? — «Строго» внушал Штейн своему внуку в раннем его детстве. И теперь внук-студент говорит своему деду: «Шурик, как дела?»

Это ведь тоже секрет молодости. Молодой от старого отличается не годами, а поведением.

И шумят гости Александра Петровича до утра! Как он это выдерживает, ума не приложу. А ведь я моложе его. И не только литературно-театральная среда.

— Виктор, завтра ко мне придет один моряк-подводник. Изумительная личность. Приходите — познакомлю.

— Ах, Розов, вчера приходил ко мне один хирург — какая яркая фигура!..

Кто читал прозу Штейна, его две книги — «Повесть о том, как возникают сюжеты» и «Второй антракт», тот, конечно, обратит внимание, каким огромным числом действующих лиц битком набиты эти книги. И писатели, и адмиралы, и режиссеры, и летчики, и актеры, и матросы, и редакторы, и академики... И ведь со всеми автор книги был знаком. А со многими дружит и по сей день.

Прежде чем начать писать эту статью об Александре Петровиче, я долго думал, какую главную, отделяющую от других драматургов черту следует выделить в его характере. И не в характере его творчества — это делали, делают и будут делать профессиональные критики, — а именно его человеческую особенность.

Казалось бы, можно было, судя по его пьесам, сказать, что это военная душа. Шутка ли — «Флаг адмирала», «Балтийцы», «Гостиница «Астория», «Океан»; кажется, для Штейна нет лучшего удовольствия, чем стрелять из корабельных пушек. Автор всех этих пьес действительно военный, он капитан второго ранга, воевал на флоте. Но, пожалуй, более глубоко штатского по поведению человека трудно и сыскать. Уж очень он на вид робкий, и деликатный. Да к тому же и франт напропалую. Если вы встретите на улице элегантного, с иголочки одетого по всем приличиям последней моды пожилого человека, идущего легким, «светским» шагом — вполне возможно, что вы повстречались именно со Штейном. И кепочка, и пальто, и брюки — все соответствует. Сколько раз я ему говорил: «Оставьте вы меня с вашими обувными во-

люди искусства

Личность чрезвычайно интересная

Виктор РОЗОВ

сторгами, я их не понимаю». А он весело: «Ах вы, закрустие, посмотрите, какой каблук, какой рант, носок...» Впрочем, великий Гоголь тоже испытывал неизъяснимую страсть к обуви. Люди полны странностей...

Нет, Штейн не военный писатель. Не Всеволод Вишневский, которого он обожает и на которого не прочь был бы походить. Недаром именно о нем он написал пьесу «У времени в плену». И «Поющие пески» — о Лавреневе, авторе тоже далеко не чуждом военной тематике. Впрочем, последняя часть трилогии Штейна «Художник и революция» посвящена Александру Блоку, совершенно не военному писателю. И так как, на мой взгляд, именно эта третья пьеса удалась автору особенно, то, значит, черты военного в Штейне не главные.

В рассуждениях о нашей профессии я не раз говорил: «Штейн, мы уже в таком возрасте, когда ничего путного не напишешь». На что Александр Петрович, горячась, кричал: «Какая чепуха! А Толстой! А Бернард Шоу!.. А Джаббул!..» И точно на зло мне пишет пьесу «Версия» именно накануне своего семидесятилетия. Мало того, что это, по моему, очень хорошая пьеса, и глубокая, и емкая, и страстная, — она совсем не стариковская и очень сложная и трудная. Не без опаски шел я смотреть ее в гастролеравшем в Москве симферопольском театре. И вышел со спектакля с радостью. С радостью за драматурга, режиссера, артистов. Зал без всяких подманивающих устройств (деланные поклоны, подбадривающая музыка, не включенный свет в зрительный зал) долго-долго аплодировал создателям спектакля. Штейн ошеломленно, смущенно и оттого суетливо выбегал на эти бурные аплодисменты и мелкими кивками кланялся зрителю, благодаря за доброе к нему отношение. Впрочем, такая растерянность, как я заметил, соседствует у него с храбростью — и в его выступлениях, и в литературно-общественном поведении, а общественную работу он ведет громадную!

Но что чрезвычайно симпатично в Штейне — он не завистлив. Ах, как нужны миру доброжелатели! Каждое новое художественное явление Штейн встречает шумно: бегают, кричат, хлопочет, радуется, будто сам написал. Так было с появлением Александра Вампилова. Как раз тогда Штейн руководил семинаром молодых драматургов. Среди семинаристов был и Вампилов со своей пьесой «Провинциальные анекдоты». Прочтя ее, Штейн бегал по этажам громадного Дубултовского дома творчества, где проходил семинар, шумел, кричал и устроил в большом зале читку этой пьесы для всех участников семинара, предварив чтение своим вступительным похвальным словом. Похвальный вздох, чем, кстати сказать, несколько испортил впечатление от читки. Потому что известно: один из

способов повредить какой-либо прекрасной вещи в глазах других — это заочно расхвалить ее до невозможности. Так же радостно приветствовал в свое время Штейн появление Володина, а совсем недавно с каким восторгом он рассказывал о Дворецком. Доброжелательность Штейна я испытал и на себе. Давным-давно, будучи начинающим автором, я попал на семинар молодых писателей. И моими руководителями были А. Крон, А. Штейн и И. Прут. Все они отнеслись ко мне по-доброму. До сих пор помню ту деликатность Штейна, с которой он разбирал мою пьесу, мимоходом выплевывая по косточкам всю ее дребедень и не спеша, любовно раскладывая на блюдечке все хорошенькие кусочки. И еще тогда, при этой первой личной встрече с Александром Петровичем, удивился: какой милый и интеллигентный человек, а пишет такие масштабные пьесы. Мне тогда казалось, что масштабные пьесы пишут люди только огромного роста, резкие и волевые. Впрочем, Штейн пишет не только о войне и военных. Его пьеса «Аплодисменты» — о людях театра, на мой взгляд, тоже одна из лучших его вещей.

Но он не только доброжелатель, он и хороший товарищ. Думается, немало найдется людей, которые лично помнят отзывчивость Штейна.

Еще одна черта: Штейн вспыльчив, но незлопамятен. Вспыхивает мгновенно. И от малейшего укола. Но уже через минуту хохочет. В том числе и над своей вспыльчивостью. Это оттого, что он человек с юмором. Очень это хорошо, когда человек с юмором!

Могут сказать, что я слишком выпячиваю лучшие черты Штейна, но ведь это же его день рождения! Семидесятилетие! А кроме этого, критикой негативного характера он за эти же семьдесят лет не очень был обижен.

Но, пожалуй, особой чертой юбиляра можно назвать общительность Штейна. И хотя писательское занятие требует безусловного одиночества, а Штейн пишет много и регулярно, все свое свободное время он на людях. Где бы ни был! Зайдите в Дом литератора — увидите Штейна и вокруг него небольшую толпу. То же в домах творчества. И то же самое у него дома. Чтобы объединить вокруг себя интересных людей, надо и самому быть интересным. Штейн именно таков. Пьесы и кинокартины по его сценариям смотрят миллионы людей. Они, думаю, тоже разделяют это мое суждение о том, что Штейн личность чрезвычайно интересная.

Кончаю писать, уже поздно... Звонок телефона...

— Виктор, мы только что из поездики, масса интересного. Заходите. Нет, никакого нет. Только свои... Поднимайтесь!

● Драматург А. Штейн.

Фото А. Рубашкина.